

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2023 Том 28, №2

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО

«Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук,
академик АН Азербайджана (Азербайджан, Баку)

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

С. Д. Атдаев, кандидат исторических наук
(Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук
(Кыргызстан, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук
(Болгария, София)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

З. С. Самашев, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

М. Гантуяа, Ph. D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония,
Токио)

Е. Смолари, Ph. D. (Германия, Бонн)

Х. Омархали, доктор философских наук
(Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия,
Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия,
Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук
(Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук
(Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук (Россия,
Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук
(Россия, Томск)

А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук
(Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, доктор исторических наук
(Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук
(Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат
исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия,
Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор
культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия,
Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия,
Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия,
Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук
(Россия Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Россия,
Челябинск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук
(Россия, Новосибирск)

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия,
Новосибирск)

И. И. Юрганова, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312,
Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2023 Vol. 28, №2

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2023

The journal was Founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences,
academician of the Academy of Sciences of
Azerbaijan (Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)

S. D. Atdaev, candidate of historical sciences
(Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bulgariy,
Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)

A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)

M. Gantuya, Ph. D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, doctor of Humanities (Tokyo, Japan)

E. Smolarts, Ph. D. (Germany, Bonn)

Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany,
Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences (Russia,
Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences
(Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia,
Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia,
Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences
(Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical
sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences
(Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia,
Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia,
Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences
(Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences (Russia,
Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate
of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences (Russia,
Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia,
St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor
of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences (Russia,
Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia,
Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia,
Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences
(Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences (Russia,
Chelyabinsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences (Russia,
Novosibirsk)

A. V. Baulo, doctor of historical sciences (Russia,
Novosibirsk)

I. I. Yurganova, doctor of Historical Sciences
(Russia, Moscow)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77–78911. Registration date 07.08.2020 z.

Editorial office address: 656049, Altai region, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, office 312, Altai state University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2023 Том 28, №2

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Азизов З. К., Вискалин А. В., Вискалина Е. Е., Федотов Р. Г.

Позднепалеолитическая мастерская по подготовке и расщеплению ядрищ Подгорный в Среднем Посурье	7
<i>Дробышев Ю. И.</i> Семантика изображения птиц на древнетюркских изваяниях	24
<i>Худавердян А. Ю., Алексанян Т. А., Мириджанян Д. Г.</i> Необычное средневековое перезахоронение индивидов из провинции Сюник (Ангехакот, Армения)	71

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Белоусов С. С.</i> Организация и регулирование властями миграций калмыцкого населения в Автономной области калмыцкого трудового народа в 1920-е гг.	92
<i>Понкратова И. Ю., Федирко О. П., Батаршев С. В., Данилов Г. К., Казимиров И. В., Дорофеева Н. А.</i> Религиозная символическая атрибутика русского севера в системе культурных ценностей гижигинцев (XIX — начало XX в.)	104
<i>Рыблова М. А.</i> Российское казачество в процессах поиска групповой идентичности и этнокультурного конструирования	124

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Алексеева Л. С., Горбатов А. В.</i> Церковные музеи и православное культурное наследие в Западной Сибири в контексте вероисповедной политики государства	142
<i>Недзельюк Т. Г.</i> Источники для изучения государственно-конфессиональной и международной политики в степном генерал-губернаторстве (по материалам Центрального государственного архива Республики Казахстан)	154
<i>Сгибнева О. И., Беликова Е. О.</i> Современные религиозные процессы в регионе: опыт эмпирического исследования в Волгоградской области	167
<i>Дашковский П. К., Траудт Е. А.</i> Деятельность комиссий содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах в Бурятии во второй половине 1960-х — начале 1980-х гг.	181
ДЛЯ АВТОРОВ	197

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2023 Vol. 28, №2

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

- Azizov Z. K., Viskalin A. V., Viskalina E. E., Fedotov R. G.* Late Paleolithic workshop for the preparation and splitting of the cores of the Podgorniy in the Middle Posurie region7
- Drobyshev Yu. I.* Semantics of bird images on old turkic sculptures.....24
- Khudaverdyan A. Yu., Aleksanyan T. A., Mirijanyan D. G.* Unusual medieval burial of individuals from Syunik province (Angekhatot, Armenia) 71

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

- Belousov S. S.* Organization and regulation by the authorities of migration of the kalmyk population in the Autonomous region of the kalmyk working people in the 1920 s92
- Ponkratova I. Y., Fedirko O. P., Batarshev S. V., Danilov G. K., Kazimirov I. V., Dorofeeva N. A.* Religious symbolic attributes of the Russian north in the system of cultural values of the gizhigin people (XIX — early XX centuries)104
- Ryblova M. A.* The Russian Cossacks in the processes of searching for group identity and ethno-cultural construction124

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- Alekseeva L. S., Gorbatov A. V.* Church museums and cultural heritage in the context of religious policy in Western Siberia142
- Nedzelyuk T. G.* Sources for the study of state-reffessional and international policy in the steppe general-governance (by the materials of the Central state archive of the Republic of Kazakhstan).....154
- Sgibneva O. I., Belikova E. O.* Modern religious processes in the region: the experience of studying the religious situation in the Volgograd region 167
- Dashkovskiy P. K., Traudt E. A.* Activity of the commissions of assistance on compliance with legislation on religious cults in Buryatia in the second half of the 1960s — early 1980s. 181

FOR AUTHORS.....197

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 94 (47) 07

DOI: 10.14258/nreur(2023)2-04

С. С. Белоусов

Калмыцкий научный центр РАН, Элиста (Россия)

ОРГАНИЗАЦИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЛАСТЯМИ МИГРАЦИЙ КАЛМЫЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ В АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ КАЛМЫЦКОГО ТРУДОВОГО НАРОДА В 1920-е гг.

Статья посвящена исследованию государственной миграционной политики в Автономной области калмыцкого трудового народа в отношении калмыцкого населения в 1920-е гг. Выбор временных рамок обусловлен значительными отличиями в государственной миграционной политике предшествующего и последующего периодов. В 1920-е гг. с помощью организации миграций были в основном решены задачи внутренней советской политики в Калмыкии — объединение калмыцкого народа в рамках единого национального административно-территориального образования и перевод калмыков на оседлый образ жизни. Статья написана преимущественно на основе документов органов государственной и партийной власти, выявленных в Национальном архиве Республики Калмыкии.

В процессе работы использованы историко-генетический и сравнительно-исторический методы исследования. Автор рассмотрел влияние голода на миграции населения, использование миграций для решения государственных и национальных проблем калмыцкого населения, географию миграционных потоков извне и внутри области, результаты миграционной политики.

В Калмыкии она в основном была направлена на организацию переселений калмыков в область из других губерний и областей, поселение калмыков-кочевников в новые стационарные населенные пункты с целью решения вопроса седентаризации.

Советские власти в осуществлении политики седентаризации в Калмыкии руководствовались прежде всего идеями социалистической инкорпорации и модернизации региона.

Государство реализовало цели и задачи миграционной политики в короткие временные сроки, что стало возможно в результате большой финансовой поддержки и энергичным действиям центральных и местных властей.

Ключевые слова: советская миграционная политика, Калмыцкая автономная область, калмыки, переселения, седентеризация.

Цитирование статьи:

Белоусов С. С. Организация и регулирование властями миграций калмыцкого населения в Автономной области калмыцкого трудового народа в 1920-е гг. // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 2. С. 92–103. DOI: 10.14258/nreur(2023)2–04.

S. S. Belousov

Kalmyk scientific center of the Russian academy of sciences, Elista (Russia)

ORGANIZATION AND REGULATION BY THE AUTHORITIES OF MIGRATION OF THE KALMYK POPULATION IN THE AUTONOMOUS REGION OF THE KALMYK WORKING PEOPLE IN THE 1920 s.

The article is devoted to the study of the state migration policy in the autonomous region of the Kalmyk working people in relation to the Kalmyk population in the 1920s. The choice of time frame is due to significant differences in the state migration of the previous and subsequent periods. In the 1920s, with the help of the organization of migrations, the tasks of internal Soviet policy in Kalmykia were mainly solved, the unification of the Kalmyk people within the framework of a single national administrative-territorial entity and the transfer of the Kalmyks to a sedentary lifestyle.

The article is based mainly on the documents of state and party authorities identified in the National Archive of the Republic of Kalmykia. In the course of the work, historical-genetic and comparative-historical research methods were used. The author examined the impact of hunger on population migration, the use of migration to solve the problems of the state and national Kalmyk population, and the geography of migration flows outside and inside the area that results from the migration policy in Kalmykia.

It was primarily aimed at organizing the resettlement of Kalmyks in the region from other provinces and regions and the settlement of Kalmyks nomads in new stationary settlements in order to solve the issue of sedentarization. The soviet authorities, in implementing the sedentarization policy in Kalmykia, were guided primarily by the ideas of socialist incorporation and modernization of the region.

The state has implemented the goals and objectives of the migration policy in a short time, which became possible due to the great financial support from central and local authorities.

Keywords: Soviet migration policy, Kalmyk autonomous oblast, Kalmyks, resettlement, sedenterization

For citation:

Belousov S. S. Organization and regulation by the authorities of migration of the kalmyk population in the Autonomous region of the kalmyk working people in the 1920 s. *Nations and religions of Eurasia*. 2022. Т. 28, № 2. P. 92–103. DOI: 10.14258/nreur(2023)2–04.

Белусов Сергей Степанович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Калмыцкого научного центра РАН, Элиста (Россия). **Адрес для контактов:** sbelousovelista@mail.ru.

Belousov Sergey Stepanovich, doctor of historical sciences, senior researcher, department of history, Kalmyk scientific center of the Russian academy of sciences, Elista (Russia).

Contact address: sbelousovelista@mail.ru.

Введение

Миграции калмыцкого населения в Автономную область калмыцкого трудового народа в третьем десятилетии XX столетия имели важное значение для судьбы калмыцкого народа и национального административно-территориального образования. Они позволили восполнить большие потери, понесенные калмыцким народом в годы Гражданской войны и голода 1921–1922 гг., увеличить население области и продемонстрировали сущность национальной политики советской власти в рассматриваемый период в одном из национальных административно-территориальных образований. Изучение опыта организации и регулирования властями миграций калмыцкого народа советским государством дает новые материалы исследователям внутренней советской политики в восстановительный период, может быть полезно для современных органов государственной власти, сталкивающихся с проблемами миграций.

Между тем названная тема в исторической науке специально почти не исследовалась. Отдельные сведения о миграциях калмыцкого населения встречаются в трудах, посвященных 10-летию Автономной области калмыцкого трудового народа [Калмыцкая область..., 1927], и первого секретаря компартии области И. Г. Глухова [1926], в статьях послевоенных историков Т. И. Беликова [1968], К. Ц. Саврушевой [1971], в монографии И. В. Борисенко и С. И. Убушиевой [2000] и др. Целью данной статьи является исследование целей и задач миграционной политики в отношении калмыцкого населения области, её содержания и последствий, показать влияние основных факторов на переселенческую политику.

Влияние голода на миграции калмыцкого населения

5 июля 1920 г. на Первом общекалмыцком съезде Советов было провозглашено образование в составе РСФСР нового административно-территориального субъекта —

Автономной области калмыцкого трудового народа. Этот акт не противоречил советской национальной политике, одним из важнейших постулатов которой было национальное самоопределение народов.

Руководство области заявило о начале проведения политики объединения калмыцкого народа в рамках единой автономии, а поскольку значительная его часть проживала в других регионах, то предстояло организовать переселение калмыков, пожелавших вернуться на свою историческую Родину.

Провозглашение политики объединения калмыцкого населения совпало по времени с разразившимся на юге России голодом. В Калмыцкой автономной области он обострился и без того тяжелую обстановку. В 1921 г. в ней голодало большинство населения, многие из жителей умерли или вынуждены были покинуть свой дом и перебраться на жительство в другие места. Из центральных улусов (Икицохуровского, Харахусовского, Эркетеневского) калмыцкое население мигрировало на западные и восточные окраины области: в первом случае мигранты намеревались заняться земледелием, во втором — рыболовством на Каспии и Волге. В 1921–1922 гг. в них прибыло около пяти тысяч человек [НА РК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 169. Л. 299].

Голод имел трагические последствия для Харахусовского улуса, который прекратил свое существование. 2500 его жителей перебрались в Калмыцкий Базар, из них 1300 чел. погибли. В Багацохуровский улус переселились 1500 харахусовцев, 700 из них погибли.

Чтобы сохранить жизни калмыков, Калмыцкий областной исполнительный комитет Совета (облисполком), помимо различного рода помощи, вынужден был пойти на организацию переселений наиболее нуждающихся калмыков внутри области из голодных в менее охваченные голодом улусы, например, в Большедербетовский. На эти работы власти выделили более 250 млн руб.

Большинство калмыков, спасаясь от голодной смерти, стремились покинуть территорию области. В 1921 и 1922 гг. беженцы-калмыки направлялись в основном на Северный Кавказ, где их насчитывалось 9–10 тысяч человек [НА РК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 169. Л. 299].

По ориентировочным данным областного комитета помощи голодающим, в 1921 г. насчитывалось 12 тысяч беженцев, в 1920–1921 гг., около 1500 чел. перебрались из Эркетеневского улуса в Ставропольскую и Терскую губернии [НА РК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 255. Л. 13].

В 1921–1922 гг. имели место случаи обратных переселений. Так, возвратились в Эркетеневский улус до 70 семей (до 285 душ) из Терской губернии. В официальных документах приводится приблизительная цифра беженцев, так как точную численность власти установить не смогли.

Положение беженцев было очень тяжелым: 75% из них проживали в ямах, еле прикрытых степными травами, приблизительно 25% ютились в предоставленных им во временное пользование недостроенных помещениях.

Областная комиссия по «обоседлению» калмыков неоднократно возбуждала вопрос перед центральными властями об оказании срочной помощи. В результате в 1922 г. была ассигнована помощь голодающим беженцам-калмыкам вначале 10 млн руб. государственными знаками, потом ещё 1100 млн руб. Выделенные деньги пришли с задержкой [НА РК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 169. Л. 299 об.].

В голодные годы имели место стихийные миграции калмыков в Калмыцкую автономную область из мест их компактного проживания в других регионах. Одни стремились обосноваться в национальной административно-территориальной автономии, многих толкала на переселение угроза лишиться жизни от голода. Калмыки прибывали в область, не дожидаясь начала планового переселения.

5 апреля 1921 г. Калмыцкий областной земельный отдел (облземотдел) писал в Центральный исполнительный комитет, что переселения извне и местное передвижение населения являются вынужденными явлениями, связанными, главным образом, с продовольственными затруднениями, а Калмыцкая степь заселяется «исключительно местным элементом...», стремящимся подыскать для стационарного проживания удобные для обработки свободные земли. Данный процесс, по мнению облземотдела, соответствовал интересам самих переселенцев и «являлся вполне целесообразным, как в отношении удовлетворительного решения продовольственного вопроса переселяющихся, так и отношении культуры хозяйств коренного земледельческого населения степи, и также производится в строго определенных участках калмыцкой территории, не представляя никакого риска для переселенцев, везущих своими средствами всё своё имущество, и не требует значительной государственной поддержки» [НА РК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 167. Л. 215].

Руководство облземотдела отмечало, что переселение приняло массовый и стихийный характер и граничило со стихийным явлением, поэтому прекратить данное явление или уменьшить до определенных размеров в рассматриваемое время не представлялось возможным и было к тому же нецелесообразно. Калмыцкий земотдел не располагал средствами для организации переселения и обустройства прибывших калмыков и вынужден был заниматься их регистрацией и учётом мест, пригодных к поселению. Он просил ЦИК Автономной области калмыцкого народа возбудить перед народным комиссариатом по земледелию РСФСР ходатайство о разрешении переселений местного (калмыцкого) населения и выделении хотя бы в ограниченных размерах средств на этот процесс из государственного бюджета [НА РК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 167. Л. 215 об.].

Массовые перемещения калмыцкого населения и его стремление перейти к оседлому образу жизни требовали принятия срочных мер. 10 декабря 1921 г. облземотдел признал необходимым начать землеустроительно-колонизационные работы в западных улусах: Малодербетовском, Большедербетовском и Манычском с целью устроить вынужденных калмыков-переселенцев из центральных и восточных районов области [ГА РФ. Ф. Р-5677. Оп. 4. Д. 326. Л. 368].

В 1922 г., несмотря на принятые меры, голод в стране не прекратился. В Автономной области калмыцкого народа продолжала сохраняться тяжелая обстановка. По приблизительным данным областного статистического бюро, в Калмыкии насчитывалось 12500 беженцев, 50 тысяч бездомных, 30 тысяч беспризорных детей [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 254. Л. 483].

В июле 1923 г. население восточных улусов сильно пострадало от обрушившегося на них ураганного ветра. Стихийное бедствие особенно тяжелые последствия вызвало у калмыков-беженцев. В Яндыко-Мочажном улусе скопилось много спасавшихся от голода беженцев из Икицохуровского и Харахусовского улусов, которые суще-

ствовали за счет пайков и пособий, предоставляемых им Комиссией по преодолению последствий голода. Все они проживали в кибитках, пока ураган их не разрушил. Улусный и аймачный комитеты взаимопомощи не имели достаточных средств, чтобы помочь беженцам, поэтому улусный исполнительный комитет ВКП(б) попросил Комиссию по преодолению последствий голода оказать им срочную помощь, так как ввиду наступающей осени людям грозила гибель от холода [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 168. Л. 73].

В августе того же года беженцы Эркетеневского улуса, прибывшие из Терской губернии и проживавшие под открытым небом, просили областную Комиссию по преодолению последствий голода выделить им средства на постройку саманных землянок, так как в противном случае они оставались без жилья в холодный сезон [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 168. Л. 76–76 об.].

Во время голода, помимо помощи населению, рассматривались также другие варианты решения проблемы. В частности, в январе 1923 г. монгольское правительство предложило уполномоченному обкомпомгола Автономной области калмыцкого трудового народа Д. Бадущеву переселить всех голодающих калмыков в Монголию, предоставить им монгольское гражданство и определенное количество скота в собственность, наделить землей в аймаках. Одновременно Х. Б. Кануков подготовил проект переселения туда же группы донских калмыков во главе с Д. Б. Хахлыновым. Руководство Монголии передало в Министерство иностранных дел РСФСР официальное письмо по этому вопросу, но получило отрицательный ответ [Бадмаева, 2006: 107].

Переселения калмыков в область

В 1920-е гг. в миграционной политике советского руководства в стране обозначились новые подходы к переселенческой политике. Государство признало их неизбежность и необходимость и от отрицания в принципе переселений в период Гражданской войны оно перешло к их организации. На II Всероссийском землеустроительном съезде (январь 1921 г.) характер переселения при социализме был определен как противоположный таковому при капитализме. Это означало, что на смену «полной свободе хозяйственных передвижек», свойственных капиталистическому строю, в социалистическом государстве должно было прийти переселение, подчиненное единому плану. Неорганизованные переселения (так называемые самотечные) были признаны «неприемлемыми, как исходящие из антигосударственной трактовки вопроса» [Моисеенко, 2015: 96]. Переселение, отвечающее конечной цели аграрного строительства при социализме, должно было соответствовать двум условиям: 1) наличию излишков рабочей силы в одной местности; 2) наличию подготовленных для заселения свободных земель в другой. До конкретного определения таких условий массовые перемещения на свободные земли прежнего, т. е. довоенного, заселения признавались, как правило, недопустимыми [Ямзин, Вошинин, 1926: 76].

В 1924 г. Народный комиссариат земледелия РСФСР для выявления колонизационной емкости земельного фонда снарядил в Самарскую, Саратовскую, Царицынскую, Астраханскую губернии и в Калмыцкую автономную область специальную колонизационно-мелиоративную экспедицию. Тяжелые природные условия для проживания человека, наличие большой массы кочевников и кочевой образ их жизни побудили Поволжскую колонизационно-мелиоративную экспедицию отказаться от планов

включить Калмыцкую автономную область в число территорий для организации переселений из других губерний страны. В то же время этот запрет не распространялся на лиц калмыцкой национальности, пожелавших переехать на жительство в Калмыцкую область.

В соответствии с проводимой политикой объединения народа областные власти принимали меры к организованному переселению своих единоплеменников в Калмыцкую автономную область. В августе 1921 г. II общекалмыцкий съезд Советов обсудил вопрос о переселении оренбургских, терских и донских калмыков, пожелавших устроиться на жительство в Калмыкии.

В 1921–1922 г. основной поток калмыков-переселенцев в область шёл из Донской и Терской областей, из Челябинской губернии. В рассматриваемые годы из Донской области переселилось до 3500 душ, из Челябинской губернии — до 600 оренбургских калмыков, из Терской области — 1500 душ кумских калмыков [НА РК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 169. Л. 299].

За пределами области самыми многочисленными являлись калмыки-казаки из Донской области. Народный комиссариат по национальным делам (Наркомнац) РСФСР принял специальное постановление о присоединении донских калмыков к автономной области путём планомерного переселения [Бадмаева 2006: 83], а в мае 1922 г. была учреждена комиссия по присоединению донских калмыков к Калмыцкой автономии. 13 июня 1922 г. вышло постановление Наркомнаца по организации переселений калмыков Сальского округа Донской области в Большедербетовский улус Калмыцкой автономной области. Улус находился в более благоприятных, по сравнению с другими улусами области, природных условиях, потому являлся наиболее пригодным для создания стационарных поселений. Прибывавшие калмыки вели оседлый образ жизни, а их размещение в улусе было вполне естественно с точки зрения властей. К осени 1924 г. в Большедербетовском улусе было обустроено 1960 кумских и терских калмыков, 160 оренбургских и 130 уральских калмыков, 200 астраханских и более 8 тысяч донских калмыков [История Калмыкии... Т. 2. 2009: 327].

Помимо создаваемых населенных пунктов, в Большедербетовском улусе существовали поселения русских, немецких и эстонских крестьян, ощущался приток переселенцев из граничащих с ним населенных пунктов Ставропольской губернии и Донской области. Это обстоятельство усложняло процесс землеустройства и переселений. Вследствие этого имел место отток калмыков-переселенцев в места своего прежнего проживания. Так, если в 1924 г. «донские» переселенцы в Большедербетовском улусе составляли 6414 чел., то в 1925 г. — 4979 чел. Сокращение наблюдалось и в последующие годы [Борисенко, Убушиева, 2000: 41]. В целом же к 1926 г. процесс переселения в область самой многочисленной группы переселенцев — донских калмыков — почти завершился.

В указанный улус переселялись также терские, кубанские, уральские калмыки, беженцы из восточных улусов области. Так, после образования в 1920 г. Калмыцкой автономной области в Большедербетовский улус мигрировала часть кумских калмыков из Терской области, образовав Кумских аймак. В 1921 г. в этот же улус получили разрешение на переезд 150 семей оренбургских калмыков, в связи с чем Калмыцкий облисполком просил Народный комиссариат земледелия и Народный комиссариат путей

сообщения выделить для их проезда 25 вагонов. Переселение калмыков в Автономную область калмыцкого народа проходило в тяжелейших условиях послевоенной разрухи, голода, переселенцы зачастую не имели средств для переезда и устройства на новом месте, не получали достаточной медицинской, продовольственной и иной помощи. Понятно, что в такой ситуации на плечи областных и центральных властей легла тяжелая нагрузка [Бадмаева, 2006: 83].

Во второй половине 1920-х гг. имели место переселения, вызванные установлением административных границ между Калмыцкой автономной областью и соседними субъектами. Так, во время определения административной границы между Калмыцкой автономной областью и Астраханской губернией в состав последней отошел остров Табун-Арал, располагавшейся к северу от станицы Сероглазинской, между руслом Волги и её протокой Енотаевкой. Угодьями острова пользовались три полуоседлых калмыцких хотона, но когда правительство приняло решение построить там конный завод, то калмыцкая сторона уступила остров Астраханской губернии, а его калмыцкое население в количестве 777 хозяйств весной 1928 г. переселили в Хошеутовский улус Калмыцкой автономной области на земли острова Шамбай [Борисенко, Убушиева, 2000: 49].

Миграции и седентаризация калмыцкого народа

С переселениями был непосредственно связан переход калмыков на оседлый образ жизни. Начало процесса массового оседания калмыков в 1920-е гг. было связано с последствиями Гражданской войны и голода 1921 г., вызвавших деградацию калмыцкого скотоводства и обнищание населения, в то время как реализация имперской правительственной программы в середине XIX в. по заселению дорог и перевода калмыков на оседлость осуществлялась в условиях стабильного развития калмыцкого общества.

Многие разорившиеся кочевники-скотоводы, чтобы выжить, вынуждены были переселяться в приморскую и приволжскую части Калмыкии, на Ергенинскую возвышенность и менять специализацию своих хозяйств, осваивая занятия, связанные с ведением оседлого образа жизни, прежде всего рыболовство и земледелие. Это процесс носил массовый и стихийный характер и вызвал тревогу у местных властей. Кочевники основывали поселения в понравившихся им местах, зачастую не имея полного представления об их природных свойствах, иногда такие самовольные водворения приводили к земельным конфликтам с соседним населением. Усилению тенденции к оседлости способствовало также установление нового порядка землепользования в 1924 г., закрепившее за каждым хозяином определенную территорию [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 53. Л. 11].

В 1923 г. ЦИК Калмообласти обратил внимание правительства на начавшийся процесс стихийного перехода калмыков к осёдлому образу жизни и предложил это движение взять под государственный контроль. Руководство области запросило для этого кредиты, однако в Госплане посчитали целесообразным вначале провести специальное обследование территории области «с целью установить, как размер оседания калмыков, так и целесообразность перехода к земледелию при наличии хозяйственных и экономических условий» [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 53. Л. 33].

Поволжская колонизационно-мелиоративная экспедиция собрала ценные материалы о природных ресурсах и социально-экономической обстановке в Калмыкии, легшие в основу планирования её развития. Экспедиция подтвердила выводы руковод-

ства области о массовом характере процесса перехода к оседлости калмыков и о его неуправляемости со стороны государства. Проблему оседания калмыцкого народа и перестройки в связи с этим его хозяйственного и бытового уклада жизни она напрямую увязывала с его дальнейшим существованием [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 53, Л. 33 об.-34].

В поддержку процесса седентаризации областные власти приводили цифры, свидетельствующие об успехах в этой области. Так, если в 1909 г. в Калмыкии кочевыми и полукочевыми были в области 19811 хозяйств (88,3% от их численности), то в 1924 г. таких было уже 15410 хозяйств (66,4% от их общей численности) [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1923. Л. 4].

Областное руководство просило центральные власти оказать материальную поддержку и само предпринимало действия по оказанию посильной помощи переселенцам. К примеру, областные власти осенью 1923 г. выделили им 200 тысяч пудов ржи, весной 1924 г. — 18 тысяч пудов ржи, а также денежных средств в размере 37 500 руб., в среднем на семью — от 10 до 40 руб. Одной тысяче бедствующих каждой семье было выделено по 60 руб. Президиум Госплана 1 ноября 1924 г. предоставил Калмыкии кредит в размере 375 тысяч руб., из которых 350 тысяч руб. направлялись на поддержание переселенческих хозяйств. В том же году помощь фуражом была оказана 800 хозяйствам из 1800 нуждавшихся, при этом нормы выдачи кормов были уменьшены на 25–30% [История Калмыкии..., 2009: 327].

Основываясь на материалах экспедиции, руководство области полагало немедленно приступить к организации поселения калмыков в новых стационарных населенных пунктах, в числе первоочередных мер было намечено провести сплошное землеустройство территории и оказать хозяйственную помощь калмыкам, переходящим к осёдлому образу жизни.

Для решения задачи был разработан Генеральный план обоседления кочевого населения Калмыцкой автономной области в целях перехода к скотоводческо-земледельческому хозяйству. По нему предстояло «обоседлить» 16390 кочевых хозяйств (82493 чел.), которым необходимо было оказать помощь ссудой на строительство простейшей конструкции землянок и семенников и снабдить их сельскохозяйственным инвентарем [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 387. Л. 16].

Всего планировалось создать 74 поселка с максимальным количеством в каждом по 220 дворов [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 387. Л. 17 об.]. Процесс выбора мест под поселения возлагался на улусную комиссию в составе членов улусных исполнительных комитетов, улусного земельного устроителя и мелиоратора. В своей работе она обязана была учитывать плотность населения смежных районов, их земельную обеспеченность и взаимоотношения, природные условия, необходимые для существования поселений.

В новых поселениях государством создавалась вся необходимая социально-производственная инфраструктура: 9 больниц в улусных центрах, 9 школ, 28 врачебных амбулаторий, 74 школы, 74 административных здания для сельсоветов [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 387. Л. 18]. Намечалось также устройство искусственных водохранилищ: в каждом поселке — по 3–4 колодца, по 1–2 колодца и одному пруду в пределах земельного надела каждого населенного пункта [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 387. Л. 19]. Для реализации проекта перевода калмыков на оседлость в смету была заложена сумма в 11232790 руб. 73 коп.

Срок выполнения проекта определялся в пять лет, в первую очередь планировалось перевести на оседлый образ жизни в течение трех лет 9390 калмыцких хозяйств в Большедербетовском, Малодербетовском, Манычском и Багацохуровском улусах, затем в течение двух лет — 7000 хозяйств в Яндыко-Мочажном, Хошеутовском, Калмбазаринском, Эркетеневском и Икицохуровском улусах [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 387. Л. 21].

Миграция калмыков должна была носить планомерный характер. Работа по переводу на оседлость была начата с Большедербетовского улуса. Осёдло-переселенческой комиссии данного улуса пришлось работать в авральном режиме: принимать ходоков и уполномоченных от этнических групп калмыков, вести учет переселенцев, бронировать земельные участки для них в размере 12 дес. на едока и т. д. После этого работа по обустройству калмыков-переселенцев была продолжена в Малодербетовском, Манычском, Приволжском, Приморском улусах и западной части Икицохуровского улуса, т. е. в той части Калмыцкой области, где они непосредственно могли заняться земледелием [История Калмыкии..., 2009: 327].

В 1925 г. в области был образован 21 населенный пункт, в них поселилось 736 хозяйств, из которых половина сумели построить себе дома в том же году [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 667. Л. 258]. Всего к концу 1925 г. к оседлому образу жизни перешло 17365 хозяйств, что составило 55,8% всех хозяйств. После 1925 г. новых поселений не создавалось, а оседание калмыцкого населения шло в основном в старых населенных пунктах.

Заключение

Изучение источников по миграционной политике властей в отношении калмыцкого населения Автономной области калмыцкого народа показывает, что в 1920-е гг. в Калмыкии она в основном была направлена на организацию переселений калмыков в область из других губерний и областей и поселение калмыков-кочевников в новые стационарные населенные пункты с целью решения вопроса седентаризации.

В Калмыцкой области миграционная активность государства была тесно связана с национальной политикой, направленной на возрождение в рамках социалистической системы нерусских народов и подтягивания их до социально-политического и экономического уровня русского народа.

Миграции калмыков в Автономной области калмыцкого народа организовывались с целью объединения калмыков в рамках единой административно-территориальной автономии, по мнению властей, обеспечившее наиболее оптимальные условия для развития народа, и в значительной мере были обусловлены политикой советской власти по переводу калмыков на оседлый образ жизни.

Советские власти в осуществлении политики седентаризации в Калмыкии руководствовались прежде всего идеями социалистической инкорпорации и модернизации региона. Советское руководство, как и имперское, считало кочевой образ жизни тормозом социально-экономического и культурного прогресса, но в отличие от него, провело процедуру перевода калмыков на оседлость более решительно, в сжатые сроки и в полном объёме. Перевод калмыков на оседлый образ жизни по замыслу правительства должен был создать благоприятные условия для изменения их социально-экономической структуры и управления, тем самым способствуя постепенному введению кочевого народа в формирующееся советское социально-культурное пространство.

Специфические природно-климатические условия Калмыцкой автономной области предопределили принцип расселения прибывших мигрантов-калмыков — наиболее заселенными оказались те районы, где было развито земледелие. Благодаря мигрантам увеличилось число калмыцкого населения, улучшились демографические показатели народа. Миграционные процессы способствовали переходу калмыков на оседлый образ жизни.

Быстрый успех перевода калмыков на оседлость во многом объясняется большой финансовой и материальной помощью со стороны государства, чего не было в имперский период.

Успех политики привлечения калмыков из других регионов и седентаризации советского руководства в Калмыкии привел к кардинальным переменам в социальной структуре калмыцкого общества, укладе жизни народа, повлиял на его культуру и другие сферы жизнедеятельности, что, безусловно, способствовало интеграции калмыцкого этноса в российское и советское социокультурное пространство.

Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134–6).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бадмаева Е. Н. Калмыкия в начале 1920-х годов: голод и преодоление его последствий. Элиста : Джангар, 2006. 182 с.

Беликов Т. И. Калмыцкая область в восстановительный период (1921–1925 гг.) // Ученые записки. Вып. 6. Элиста, 1968. С. 94–130.

Борисенко И. В., Убушиева С. И. Очерки исторической географии Калмыкии. 1917 — начало 90-х гг. XX в. Элиста : Джангар, 2000. 168 с.

Глухов И. К. От патриархальщины к социализму. Астрахань : Тип. Калмиздата, 1926. 276 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5677. Оп. 2. Д. 326

Калмыцкая область за X лет революции. Астрахань : Тип. Калмиздата, 1927. 125 с.

История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста : Герел, 2009. Т. II. 848 с.

Моисеенко В. М. Крестьянские переселения в 1920-е годы (из истории миграций в России) // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. С. 87–141.

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 168.

НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 169.

НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 254.

НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 387.

НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1923.

НА РК. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 255.

НА РК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 167.

НА РК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 169

НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 53.

Саврушева К. Ц. Развитие Калмыкии в 1921–1930 гг. Элиста : Калмиздат, 1971. 86 с.
Ямзин И. Л., Вошинин В. П. Учение о колонизации и переселениях. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1926. 328 с.

REFERENSES

Badmaeva E. N. *Kalmykiya v nachale 1920-x godov: golod i preodolenie ego posledstvij* [Kalmykia in the early 1920s: famine and overcoming its consequence].

Elista: AOr “NPP “Dzhangar”, 2006. 182 p. (in Russian).

Belikov T. I. *Kalmyczkaya oblast' v vosstanovitel'nyj period (1921–1925 gg.)* [Kalmyk region in the recovery period (1921–1925)]. *Uchenye zapiski* [Scientific Notes]. Elista, 1968. Vyp. 6. P. 94–130 (in Russian).

Borisenko I. V., Ubushieva S. I. *Oчерки istoricheskoy geografii Kalmykii. 1917 — nachalo 90-x gg. XX v.* [Essays on the historical geography of Kalmykia. 1917 — the beginning of the 90s of the XX century]. Elista: APP “Dzhangar”, 2000. 168 p. (in Russian).

Gluxov I. K. *Ot patriarxal'shhiny k socializmu* [From patriarchalism to socialism]. Astraxan: Tip. Kalmizdata, 1926. 276 p. (in Russian).

Gosudarstvennyj arxiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation]. F. 5677. Op. 2. D. 326 (in Russian).

Istoriya Kalmykii s drevnejshix vremen do nashix dnei [The history of Kalmykia from ancient times to the present day]. Elista: Gerel, 2009. Vol. 2. 848 p. (in Russian).

Kalmyczkaya oblast' za X let revolyucii [Kalmyk region for X years of revolution] Astraxan: Tip. Kalmizdata, 1927. 125 p. (in Russian).

Moiseenko V. M. *Krest'yanskie pereseleniya v 1920-e gody (iz istorii migracij v Rossii)* [Peasant migrations in the 1920s (from the history of migrations in Russia)]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic overview]. 2015. Vol. 2. P. 87–141 (in Russian).

Nacional'nyj arxiv Respubliki Kalmy'kiya (NA RK) [National Archives Republic of Kalmykia]. F. R-3. Op. 2. D. 168. (in Russian).

NA RK. F. R-3. Op. 2. D. 169. (in Russian).

NA RK. F. R-3. Op. 2. D. 254. (in Russian).

NA RK. F. R-3. Op. 2. D. 387. (in Russian).

NA RK. F. R-3. Op. 2. D. 1923. (in Russian).

NA RK. F. R-22. Op. 1. D. 255. (in Russian).

NA RK. F. R-102. Op. 1. D. 167. (in Russian).

NA RK. F. R-112. Op. 1. D. 53. (in Russian).

Savrusheva K. *Cz. Razvitie Kalmy'kii v 1921–1930 gg.* [Development of Kalmykia in 1921–1930]. Elista: Kalmizdat, 1971. 86 p. (in Russian).

Yamzin I. L., Voshhinin V. P. *Uchenie o kolonizacii i pereseleniyax* [The doctrine of colonization and resettlement] М., Л.: Gos. izd-vo., 1926. 328 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 20.02.2023

Принята к публикации: 30.05.2023

Дата публикации: 30.06.2023